

Александр Тверской. **Георгий Гулиа как он есть.** — Тбилиси: Мерани, 1981.

В СВОЕ время, занимаясь проблемами исторической прозы, я не раз откликнулся на романы Георгия Гулиа, посвященные нравственному облику героев минувших веков. Поэтому книга Александра Тверского «Георгий Гулиа как он есть», естественно, не могла не привлечь моего внимания.

Кропотливейшую работу проделал автор. Он собрал воедино едва ли не все, что можно поведать о жизни и творчестве Г. Гулиа. Здесь и всевозможные подробности разных периодов биографии писателя, и авторские размышления о различнейших гранях деятельности своего героя...

Весьма ценными представляются включенные в книгу суждения разных людей о Г. Гулиа. Здесь и высказывания Константина Симонова, и отзывы товарищей по многолетней совместной работе в «Литературной газете». Уместно, на мой взгляд, приводятся шуточные, но отнюдь не поверхностные строки Расула Гамзатова, адресованные Георгию Гулиа:

Твой отец — поэт,
мой отец — поэт.
Они — скалы наших родных гор.

И то, что мы пишем,
по наследству нам досталось.
Но ты внимательно читай
и их, и нас,
и ты увидишь:

у них — слава, а у нас —
популярность,
у них — победа, у нас —
успех,

они — с базара,
а мы — из магазина.

Не могу не отдать должное автору, который, говоря об отношении Г. Гулиа к редактор-

Близкое знакомство

скому делу, так комментирует приведенный материал: «Но вопросы, поднятые Гулиа (в 1959 г. — Б. Х.), актуальны и до сих пор!»

В самом деле, разве редки и сейчас редакторы, которые навязывают автору свою волю? И разве редки авторы, готовые свалить свои огрехи и слабости со своей больной головы на здоровую голову редактора?..

Одно только уточнение хотелось бы в данном случае сделать. Вряд ли правомерно столь уравнильное суждение об авторах и редакторах, поскольку — это общеизвестно — их взаимоотношения строятся не на равных позициях. Быть может, вернее было бы сказать о двух категориях авторов: для одних редакторская правка — сервис, для других — пытка лютейшая. Думаю, что в этом своем суждении мне удалось избежать субъективности, поскольку довелось вкусить в равной мере и авторского, и редакторского нелегкого хлеба...

А вообще-то мне импонирует стремление А. Тверского комментировать исторический материал с точки зрения современной проблематики. Такой подход, кстати, характерен и для творчества Г. Гулиа, о чем в книге сказано. В частности, в такой важной главе, как «Проникновение в древность». Значительную часть этой главы занимают высказывания самого Г. Гулиа о своей ретроспективной прозе. И, пожалуй, отнюдь не суждения самого писателя, представляют здесь наибольший интерес. Дело в том, что как среди поэтов есть такие, лучше которых никто не прочтет вслух

стихотворения, так и среди прозаиков немало таких, которые вернее любого критика прокомментируют собственное творчество. Ибо им, как говорится, «виднее». Что же касается отзывов критики на исторические романы Г. Гулиа, то никак не скажешь, что они были обойдены-молчанием.

Вместе с тем, коль скоро предпринята попытка создать развернутый творческий портрет писателя, внесшего свой известный вклад в нашу ретроспективную прозу, хотелось бы более всеобъемлющего обзора и комментирования той критики, которой удостоился исторические романы «Фараон Эхнатон», «Человек из Афин», «Сулла», книги о Лермонтове, Блоке и Омаре Хайяме. Такой обзор — в сопровождении соответствующего авторского комментирования — придал бы работе А. Тверского не столько рекламную-биографическую, сколько проблемно-литературоведческую окраску. Выиграли бы и автор творческого портрета, и сам изображенный на таком литературном портрете писатель, и наш читатель — достаточно эрудированный и взыскательный. Однако, судя по всему, автор не ставил перед собой столь трудной задачи. Главная его задача, как мне представляется, сводилась к иному. А. Тверской так и предупреждает в авторском предисловии: «Книга моя — не монография, а живой рассказ о живом человеке». Что ж, мы обязаны считаться прежде всего с тем, что хотел сказать автор, а не с тем, что нам хотелось бы от него услышать...

Борис ХОТИМСКИЙ.

26 ФЕВ 1982

КНИЖНОЕ ОБОЗРЕНИЕ
г. Москва